

ШУКШИН И РЕЛИГИЯ

Борис Ихлов

Макар – почтальон. Макар избрал себе крест проповедника. Макар учит не ссориться, говорить друг другу ласковые слова и смиряться. Макар мечтает проповедовать не только в своей деревне, по всей стране.

«Тебе государство задержало пенсию на один день, и ты уже начинаешь возвышать голос. Сама злишься, и на тебя тоже глядеть тошно. А у государства таких, как ты, — миллионы. Спрашивается, совесть-то у вас есть или нету? Вы что, не можете потерпеть день-другой? Вы войдите тоже в ихнее-то положение».

Характернейшая, знаете ли, проповедь.

В 1937 году (путают с 1955-м) опрос показал, что 56% населения СССР – верующие (хотя молодые, как правило, называли себя верующими, не желая ссориться с родителями, многие называли себя православными, имея в виду, что не принадлежат к другим религиям). Верующими, то есть: принимающие догму смирения. Однако Макара, когда он разводит проповеди, отовсюду гонят, называют его боровом гладким, лоботрясом, гадом подколодным, словом, так, как на Руси звали попов, да еще берут за шкуру и дают пинка под зад.

Шукшин назвал рассказ: «Непротивленец Макар Жеребцов».

Однако имеет ли образ Макара, при всем кажущемся совпадении, отношение к религии? Или к толстовству?

Макар учит женщину жаловаться на сына директору шахты.

«Подсказывал, как можно теще насолить, как заставить уважать себя дирекцию совхоза. Надо только смелей быть. Выступать подряд на всех собраниях и каждый раз - против. Они сперва окрысятся, попробуют ущемить как-нибудь, а ты на собрании и про это. Важно - не сдаваться. Когда они поймут, что с тобой ничего нельзя сделать, тогда начнут уважать. А то еще и побаиваться станут - грешки-то есть. У кого их нету?»

Это и значит учить смирению?

«Подошло воскресенье — ты сидишь день-деньской сложа ручки. Люди ждут не дождутся этого воскресенья, чтоб себе по хозяйству чего-нибудь сделать, а тебе вроде и делать нечего.

- А на кой оно мне... хозяйство-то? ...

- Работа — не бей лежачего. И не совестно ведь! — искренне изумлялся дед. — Неужель не совестно? На тебе же пахать надо, а ты...

- Ни на вот эстолько. — Макар показывал кончик мизинца. ... Так вот ходишь неделю, тыкаешься в ихние дела... Потом придет воскресенье, и я вроде отдыхаю. Давайте, думаю, черти, - гните дальше. А я еще какую-нибудь пакость подскажу. ... У меня какой-то зуд на советы. Охота учить, и все, хоть умри. ... А все же жалко дураков...»

Так заканчивается рассказ.

Какое же тут христианство.

Может быть, обобщение? Если присовокупить рассказы «Срезал», «Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток»... Увы. В прозе Шукшина – «ты и убогая, ты и обильная...»

Обобщение – совсем в другом рассказе.

В 1985 году в Москве аспирант МГУ Сережа Вакару, специалист по теории гравитации, стоял в магазине в очереди. Продавщицы долго не было, очередь возмущалась. Наконец, вышла и презрительно бросила: «Много вас тут понаехало...» Сережа заорал на оторву: «Тебя, дура, вся стана кормит!» Если говорить о торгашах как о социальном слое, менталитет его известен. Но в рассказе Шукшина «Обида» речь о другом.

Сашка Ермолаев, судя по его поведению, человек интеллигентный, вместе с дочерью, которая едва научилась говорить, пришел в магазин, где продавщица Роза приняла его за вчерашнего пьяницу и начала оскорблять.

Какая может быть реакция? Покрутить пальцем у виска, отойти подальше. Если настроение хорошее, можно пошутить, во всяком случае, попытаться выяснить, из-за чего оскорбляют, что стряслось с продавщицей. Но Сашка не понимает, кто перед ним. Он далек от этого общественного слоя, будто видит в первый раз, потому не знает, как разговаривать. Он так поражен, что его трясет! «... Сашка все изумлялся про себя, все не мог никак понять: что такое творится с людьми?»

Сашка не придумал ничего лучшего – он хочет наказать за оскорбление и... для этого пытается привлечь директора магазина. «... самое сильное, что пришло Сашке на ум», - смеется Шукшин. Такой вот Сашка «противленец» злу насилием.

Но не в Сашке дело, в конце концов, не он оскорбил. Трус он или храбрый, умеет он себя защищать, не умеет – дело второстепенное. Дело и не в том, что в силу своего воспитания, явно не христианского, Сашка не умеет постоять за себя, и таких миллионы, оттого-то – как многие могут подумать - и чувствуют Роза и ей подобные свою безнаказанность.

Дело в том, что и заводелом, и парень-мясник, и другие продавщицы, и стоящие в очереди – все против Сашки. Все одинаковы, такие же, как продавщица Роза. Человек для них никто. Это не социальный срез, это небо в чашечке цветка, в этом рассказе – вся Россия.

Это не дурное воспитание, не результат распространения ложных идеологием. Это система. Общественная система. Производственная система, которая низводит человека в ничто. И если униженный и оскорбленный проявит настойчивость в деле защиты самого себя, система стукнет его пару раз головой о дверь и спустит с лестницы.

И жаловаться некому.

Почему, каким образом возникает эта система?

В рассказе «Верую» - рабочий Максим, у которого болит душа.

Его не может понять, что удивительно, на самом деле не удивительно – женщина, его жена, она тоже рабочая. И эта женщина – обыватель.

Максим не молится: «Максим, когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чем не просит, чувствует боль и злобу».

Но ведь человек грешен? И ведь это первородный грех, грех, никуда не исчезающий? Да-да.

«Случалось, выпивал... Пьяный начинал вдруг каяться в таких мерзких грехах, от которых и людям и себе потом становилось нехорошо. Один раз спьяну бился в милиции головой об стенку, на которой наклеены были всякие плакаты, ревел — оказывается: он и какой-то еще мужик, они вдвоем изобрели мощный двигатель величиной со спичечную коробку и чертежи передали американцам. Максим сознавал, что это — гнусное предательство, что он — «научный Власов», просил вести его под конвоем в Магадан. Причем он хотел идти туда непременно босиком.

- Зачем же чертежи-то передал? - допытывался старшина. - И кому!!!

Этого Максим не знал, знал только, что это - «хуже Власова». И горько плакал».

Шукшин смеется: выдумали, выдумали эту первородную греховность!

Максим приходит к попу и спрашивает, болит ли у того душа. Поп в это время алкает не кровь христову, а спирт разбавляет «по вкусу».

Поп не отвечает ни на прямой вопрос, ни на вопрос, неявно заданный Максимом – что делать, вместо этого начинает – как представляется поначалу - возводить между собой и Максимом изгородь из церковных штампов:

«Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда

появилось зло. Другими словами, есть зло — есть добро, нет зла — нет добра... Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея — борется со злом... Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этой войне не предвидится».

Родственник попа, Илюха, при переборе церковных штампов заснул. Аналогично воспринимали и птичий язык газеты «Правда», органа ЦК КПСС.

Поп доводит до логического конца аксиоматику религии:

«Ты спросил: отчего болит душа? Я доходчиво рисую тебе картину мироздания, чтобы душа твоя обрела покой. Внимательно слушай и постигай. Итак, идея Христа возникла из желания победить зло. Иначе — зачем? Представь себе: победило добро. Победил Христос... Но тогда — зачем он нужен? Надобность в нем отпадает. Значит, это не есть нечто вечное, непреходящее, а есть временное средство, как диктатура пролетариата. Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет... Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле, Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта — победит. Иначе — для чего все? А? Где такая сила? — Поп вопросительно посмотрел на Максима. — Есть она?.. Я такой силы не знаю. Возможно, что мне, человеку, не дано и знать ее, и познать, и до конца осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это - океан. И стаканами нам его не вычерпать. И когда мы глотаем вот эту гадость... — Поп выпил спирт, промакнул скатертью губы. — Когда мы пьем это, мы черпаем из океана в надежде достичь дна. Но — стаканами, стаканами, сын мой! Круг замкнулся — мы обречены».

Поп окончательно запутался в религиозных догматах, вместо разговора по делу развлекается темой смысла жизни. И не видит его в рамках религии. Если добро победит — оно становится ни к чему. Если постоянно воевать со злом, то цели войны, победы над злом — не существует. Если постоянно одерживать лишь временные победы — тоже неясно, в чем их смысл.

Шукшин вскрывает нелепицу религиозной догматики и разом отметаает ее, как мусор со стола:

«... душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным. Живи, сын мой, плачь и приплясывай. Не бойся, что будешь языком сковородки лизать на том свете, потому что ты уже здесь, на этом свете, получишь сполна и рай и ад».

И замечает, опять же вкладывая собственные мысли в речь попа: «Ты правильно догадался: у верующих душа не болит». Верующие по Шукшину — люди неполноценные.

Оказывается, что поп не верит в бога. Он не желает подменять реальный мир миром выдуманным. «Но во что верить? Верь в Жизнь. Чем все это кончится, не знаю. Куда все устремилось, тоже не знаю. Но мне крайне интересно бежать со всеми вместе, а если удастся, то и обогнать других... Зло? Ну - зло. Если мне кто-нибудь в этом великолепном соревновании сделает бяку в виде подножки, я поднимусь и дам в рыло. Никаких - «подставь правую». Дам в рыло, и баста».

Вот тебе и Евангелие. А ведь поп отрицает самую суть религии.

Но Шукшин просто так вопросов не задает.

«— А если у него кулак здоровей?

— Значит, такая моя доля — за ним бежать.

— А куда бежать-то?

— На кудыкину гору. Какая тебе разница — куда? Все в одну сторону — добрые и злые.

— Что-то я не чувствую, чтобы я устремлялся куда-нибудь, — сказал Максим».

И, поскольку Максим не испытывает желания с кем-то конкурировать, т.е. бежать неведомо куда, поп делает вывод, что Максим попросту слаб в коленках.

- Вперёд! – кричит партийный функционер.

- Готовы! – отвечают массы. – Только скажите, где перёд.

Поп явно говорит здесь не о классовой борьбе, а о конкурентном наполнении общества. Но он не примитивен и отнюдь не ограничивается тараканьими бегами.

«Поп легко одной рукой поднял за шкуру Максима, поставил рядом с собой.

- Повторяй за мной: верую!

- Верую! — сказал Максим.

- Громче! Торжественно: ве-рую! Вместе: ве-ру-ю-у!

- Ве-ру-ю-у! — заблажили вместе. Дальше поп один привычной скороговоркой зачастил:

- В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! Ибо это объективно-о! Вместе! За мной!..

Вместе заорали:

- Ве-ру-ю-у!»

Душа болит – может, из родни кто болеет, может, разруха или война, от одиночества, от не востребованности, или, наоборот, любит кого человек безответно. Может, лишили человека работы, и как жить дальше – неизвестно. Однажды в Красноярск пожаловал президент Медведев и объявил: «Такие комбайны нам не нужны!» И на «Пермском моторостроительном» закрылся 11-й металлургический, который поставлял в Красноярск металл, 8 новеньких печек пошли с молотка за бесценок. Рабочий цеха, хоть и пенсионер, здоровенный мужичина, занимался индивидуальной ковкой, оказался безработным. И через неделю помер. Потому что душа болела.

Вопрос Максима – не из того разряда, что в рассказе «Забуксовал». У Максима болит от монотонности, однообразия жизни. Бесплезно рассуждать об абсолютном смысле, но однообразие уничтожает локальный, если угодно, смысл.

«В одно такое мучительное воскресенье Максим стоял у окна и смотрел на дорогу. Опять было ясно и морозно, и дымилась трубы. «Ну и что? - сердито думал Максим. - Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малофеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих - свои такие же будут. А у тех - свои... И все? А зачем?»»

Самое любопытное в рассказе – что за его рамками. Для Максима коммунизм – это вечный порядок. То есть, Максим в принципе не понимает, что это за зверь. А с ним не понимает и Шукшин!

Труд рабочего, пишет Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» - тяжелый, монотонный, однообразный, отупляющий, обезличивающий. В процессе распредмечивания, то есть, в процессе обратного влияния продукта труда на сознание рабочего, в процессе изготовления, скажем, одной и той же гайки в течение нескольких лет в сознании рабочего, грубо говоря, возникает доминанта этой самой гайки. В конце 60-х в Италии с юга пришли голодные, злые рабочие с оружием в руках, создали на заводах Советы (чего не было в России!), поставили под контроль финансы и уничтожили в стране коррупцию. В 1968-м во Франции грянула революция, начали студенты, подхватили рабочие. Оккупировали завод «Сюд Авиасьон», сами наладили производство и сбыт. Администрацию заперли в кабинетах и заставили учить «Интернационал». Нет, революция не победила, но рабочие добились многого. В те же годы американские рабочие восстали против конвейерной обезлички, они не захотели, чтобы труд делал из человека обезьяну. Ибо – душа их болела.

Кстати, восстание привело к созданию неконвейерных систем с большим разнообразием труда и с большей производительностью. То же самое произошло и во Франции.

В мире 75% верующих, большинство – христиане, воспитанные в духе смирения. Когда же они не в силах больше сносить оскорбления, они поднимают восстание – в Великобритании, в Испании, в Аргентине.

Дни восстаний в Ясногорске, где рабочие захватили город, в поселке Советском, в Ачинске, в Щучьем, где рабочие в 2001-м захватили заводы – прошли.

Ныне в России у рабочих душа не болит.

Их не оскорбляет ни отупляющий труд, ни мизерная зарплата.

Существует политический пласт в обществе, для которого «и труд, и мука, и отрада» - тема достижений евреев и притеснения евреев русскими. Назовем его пласт №1. Существует подобный ему пласт, для которого труд, мука и отрада – обсуждение еврейского коварства и русских достижений. Назовем его пласт №2. Ни о чем другом представители обоих пластов рассуждать не в состоянии.

Не отклоняясь от темы, рассказы Шукшина анализирует представитель пласта №2.

«... рассказы "Обида", "Непротивленец Макар Жеребцов", "Верую!!" - все три о т. н. "заповеди ненасилия", к чему эта заповедь приводит и как воспитывает русского человека. Такова художественная картина мира Василия Макаровича, что даже после прочтения его "юмористических" произведений вслух, глубина их воспринимается не сразу. "Обида" раскрывает глубину нравственного падения общества, в котором утеряна справедливость в результате смирения, но не с миром, а со злом и ложью повсеместно принятой "заповеди ненасилия" к властям предрешающим (так в тексте, Б. И.). Только так, по-рабски принято жить, угождая начальству и продавцам, от которых народ стал зависеть. Обслуживающие работающих людей постепенно превратились в их "господ" - хозяев жизни. Во втором рассказе представлен "Непротивленец Макар Жеребцов", цинично уверовавший в свою непогрешимость на основании неукоснительного исполнения им "основной заповеди - ненасилия". Он искренне считает себя выше всех, хотя готов сносить безропотно пинки и насмешки. В рассказе "Верую!" представлен неверующий, но указывающий как жить простым людям поп. Он не верит в "заповедь ненасилия", о чём и говорит прямо и откровенно. Поп убеждён, что Зло существует прежде Добра, а Христос пришёл, чтобы победить Зло, но когда это будет неизвестно.

Как же это "откровение" напоминает нам широко известные слова о том, что делами Закона не спасётся никакая плоть, потому как Закон и появился на земле, после того, как Зло усилилось, для того, чтобы его ограничить. Итак, Ветхий Завет впереди Нового Завета, что и наблюдаем в современной церкви, пошедшей в услужение властям: "Всякая власть от Господа!!

Напомню, откуда появилась "заповедь ненасилия". «Нищий при вратах» - отсюда мораль «бедного еврея», его всегдашняя готовность к любому унижению, лишь бы остаться при деле, остаться на контроле, пусть часто и только связующим звеном. Кто-то продаёт, кто-то покупает, а «бедный еврей» «при вратах» контролирует, вводит свои эталоны стоимости товара, доносит властям, или возбуждает народ к непокорности. Ну и что, что плюют, вытирают об тебя ноги! Всё это до времени, «ведь не навеки же наказывает Господь, но послал горе и помилует».

Всё же приведу это «гениальное» место из «Плача Иеремии» полностью, чтобы было понятно, откуда за шесть столетий до Христова Пришествия, и у кого, и для чего появилась так называемая "Заповедь Ненасилия", на которой помешались «христиане»:

«Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа. Благо человеку, когда несёт он иго в юности своей; сидит уединенно и молчит, ибо ОН наложил его (??!) на него, полагает уста свои в прах, помышляя: «может быть есть ещё надежда»; подставляет ланиту (щёку) свою бьющему его, пресыщается поношением, ибо не навеки оставляет Господь. Но послал горе и помилует». Убрать Врата Рода – лишить выбора между добром и злом, правдой и ложью, а отсюда и мораль: «Зло необходимо для проявления добра, а ложь для правды». «Что ты смотришь, как баран на новые ворота?» - У зомбированного иудаизмом моралью «непротивления злу силою» забрали Родовые Врата, обрезали от них, и поставили «новые» от сатаны, вот и смотрит «неофит» (офис – змей) не понимая, но с внутренним содроганием, на путь через эти «врата» в никуда – на убой. Он, «оказывается», обязан «подставлять начальству щеку, бьющему его с юности», сидеть при вратах уединённо (не общаясь с ближними в Роде) и молчать, полагая уста свои в прах, полагая, что есть ещё надежда на продвижение по социальной лестнице, есть ещё время стать самому начальством! – Это «мораль», забирающая путь в Роде и свободу личную до конца! Тут и «философия» удобная рабская и «христианское» мировоззрение: «Всякая власть от Господа! И всё, что ни делается – к лучшему», - всё от Него же! И в Евангелии: «И ежели ты любишь ближнего, того, кто тебя любит, что в том особенного?» – Ты полюби того, кто тебя и ближних ненавидит, вот тогда поймешь мзду на Небесах», станешь, «как-бы на самом деле» Сыном Хозяина Своего, «Который дождит на злых и лукавых»?!

Псалом 138, ст. 21-22: "Мне ли не ненавидеть ненавидящих Тебя, Боже, и на врагов Твоих не направить волю? - Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне"! (в исправленном тексте: "и о врезех Твоих истаях" - "и не возгнушаться восстающими на Тебя").

Что явно неуклюже в "русском синодальном переводе" и не по-русски».

Да, только готовых сносить унижения и попирать ногою при этом ближних своих возвышает прошедшее такую же социальную обработку нечестивое (не имеющее части в жизни Рода) лукавое начальство. Только выродок для них надёжен, потому что ему есть о чём напомнить, за что ухватить. И такие идут во власть, так называемую "духовную" и мирскую над ближними своими. Оттого там столько сексуальных извращенцев. Надо покончить с "заповедью ненасилия", приписываемой Иисусу Христу. Покончить решительно и навсегда».

Называется – кто о чем, а вшивый о бане.

То есть, те, кто веруют в «правую щеку» - не настоящие христиане.

Казалось бы, в тексте - призыв к борьбе: с властью и начальством вообще. Религии мира такого не допускают!

Но автор явно не имеет в виду, что власть и начальство в целом являются ставленниками правящего класса капиталистов, явно не к классовой борьбе призывает. Поскольку у автора власть навязывает непротивление, она является иудейской. То есть, смысл текста сводится к лозунгу борьбы с евреями.

В то же время борцы с иудейским Ветхим заветом, сторонники насильственного христианства напрасно отрывают от проповеди ненасилия Новый завет. В Нагорной проповеди Иисус призывает возвыситься над конфликтом, что, конечно, разумно в случае конфликта одних ограниченных кретин с другими ограниченными кретинами, против одного буржуа на стороне другого буржуа, что мы видим в истории всё чаще. Но совершенно неуместно в случае попустительства уголовщине.

Более того, сама постановка вопроса в Нагорной проповеди, пытающаяся удалить субъекты из общественных отношений, нелепа, над этим смеется Генри Каттнер в рассказе «А как же еще». Нелепы не только враждующие стороны, но и проповедник, только вместо Христа – инопланетянин со всесокрушающим оружием в руках.

Иисус сказал людям: «Вы думаете, что ваши законы насилия исправляют зло; они только увеличивают его. Вы тысячи лет пытались уничтожить зло злом и не уничтожили его, а увеличили его. Делайте то, что Я говорю и делаю, и узнаете правда ли это» (23, 329). «... не противься злomu — значит не противься злomu никогда» (23,313).

«А Я говорю вам: не противься злomu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; 40 и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; 41 и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. 42 Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. 43 Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. 44 А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Матф. 5:21, 5:39, 5.44, то же в Евангелие от Луки 6:27-29, 35, от Иакова 3:18 и т.д.)

Или: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога... противящийся власти противится Божиему установлению... надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13:1 – 5).

Это Новый завет.

То же в Коране: «Не убивайте душу, которую запретил Аллах» (6:151).

Казалось бы, действительно: живший в IV веке раввин, вавилонский талмудист Рава, советует: «пусть ты будешь убит, но не убивай его» (Псахим, 25b)

Но приписывание ненасилия именно иудаизму нелепо. Во-первых, потому, что практика Израиля ему противоречит. Во-вторых, в самом Ветхом завете множество сцен насилия, и к этому насилию толкает сам бог. Ветхий завет признает обоснованность войны (Числ. 23:24, 31:7 – 9; Втор. 3:3 – 7; Нав. 6:20, 23, 10:24, 26). В-третьих, идея ненасилия зародилась не в иудаизме и до появления иудаизма.

В буддизме, джайнизме и индуизме понятие ненасилия восходит к идее ахимса, означающему «непричинение вреда живым существам», противоположности насилию.

В джайнских текстах утверждается: «... если кто-либо отнимает жизнь ... его грех увеличивается» (Сутра—кританга 1.1); то же - в индуизме: «...убиение живых существ несовместимо с пребыванием на небесах» (Законы Ману 5.48).

Понятие ахимса не относилось конкретно к обществу и затушевывало активный, деятельный аспект ненасилия, как его понимал Махатма Ганди. В связи с чем он разработал новое в индийской философии понятие «сатьяграха». В ходе борьбы за независимость, которая, разумеется, носила отнюдь не характер ненасилия, сатьяграха было тактическим приемом, состоящим в несотрудничестве и гражданском неповиновении. Ганди совмещал сатьяграха с традиционными формами протеста, с такими, как например, дхарна - всеобщая стачка). Позднее буржуазные идеологи экзальтировали суть учения Ганди и возвели это «ненасилие» в ранг стратегии.

Одним из ярчайших проповедников непротivления злу насилием в России является Лев Толстой. Современник Толстого естествоиспытатель Э. Геккель пытался, апеллируя к естественным законам борьбы за существование, обосновать справедливость и благотворность смертной казни «неисправимых преступников и негодяев». Толстой возражал:

«Если убивать дурных полезно, то кто решит: кто вредный. Я, например, считаю, что хуже и вреднее г-на Геккеля я не знаю никого, неужели мне и людям одних со мной убеждений приговорить г-на Геккеля к повешению?» (Исповедь. В чем моя вера? ПСС в 90 т. М., 1957. Т. 23).

То есть, Толстой выступал как релятивист, экзальтируя относительность нравственности, не понимая, что у низов и верхов нравственность различна, и эта нравственность – не набор правил, а порождение бытия низов.

Скрижали также советуют: «Не убий». Например, не убий фашистов, сжигающих твою деревню. Ярый антикоммунист Дж. Кеннан, тот самый, который доказал, что немецкие деньги для Ленина и шпионство Ленина – миф, рассказывает о своей беседе с Толстым, Кеннан спрашивал, стал ли бы Толстой убивать грабителя, готового убить невинную жертву, если нет никакой другой возможности спасти жизнь этого последнего. Толстой ответил: «Если бы я увидел в лесу медведя, который собирается задрать крестьянина, я бы размоzzжил ему голову топором, но я бы не убил человека, готового сделать то же самое».

То есть, Лев Толстой согласен смотреть на убивающего со стороны, в надежде, что на убийцу вдруг снизойдет озарение.

Великий писатель нисходит здесь до примитива, причем заплесневелого. Так, Августин Блаженный завещал: «Долг истинного христианина требует быть и с ненавидящими мира мирным, и то не для единодушия с ними в злобе, но в надежде их исправления. Ежели же они ни примеру, ни увещанию, ни доказательству нашей к ним любви следовать не захотят, то по крайней мере причин иметь не будут, для которых бы они нас ненавидеть должныствовали».

Но тот же Августин отрицает самим сказанное и утверждает, что христианин может нарушить обет непротivления и спасти своего ближнего с оружием в руках.

Но только ближнего! Не себя.

Любопытно, что поборник евангельских идеалов аскетизма Франциск Ассизский уверял: не то, чтобы медведя, но волка-то уж можно уговорить, взывая к его совести. Легенда «Обращение лютого волка» повествует о том, как Франциск договорился с волком, свирепствовавшим в окрестностях селения Алуббио, о мире и помощи. Волк принял условия, больше не нападал на жителей, а они его кормили до глубокой старости (Пименова Э. К. Франциск Ассизский. СПб., 1896, с. 8).

В эпоху Реформации идея ненасилия возродилась в западном христианстве, например, у вальденсов, анабаптистов и далее квакеров.

К идеологеме ненасилия примыкает философия недеяния в даосизме, у вей. Данную идеологему приняли многие в России в период перестройки – в плане возращения Октябрьской революции.

И наоборот: фашиствующий русский философ И.А. Ильин в книге «О противлении злу силою» допускает оправданность государственного насилия.

Буржуазные идеологи муссируют формулу: «Зло порождает зло, насилие порождает насилие». Причем обращена эта фраза именно к низам – и никогда к верхам общества.

Фраза взята из «Ричарда III» Шекспира. Но у Шекспира всё наоборот: не злом ответили на зло, что породило новое зло – а зло одного человека порождает зло ТОГО ЖЕ САМОГО человека.

Объявляется даже, что несвобода от насильника, непотивление ему – и есть свобода. Ненасилие насаждается в школах и в отдельных лекциях – на фоне растущего фашизма молодежи.

Ныне к идее ненасилия обращается и православная, и католическая церкви.

Разумеется, официальная пропаганда ненасилия относится в первую очередь к социальным конфликтам: нельзя бастовать (сатьяграха), нельзя бунтовать, вооруженное восстание – грех.

Пропаганда внушает явную нелепость: «Нет... ни раба, ни свободного...» (Кол. 3:11).

Данная пропаганда прямо вытекает из основного положения всех религий о смирении перед властями.

«...все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время.

Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас» (5; 1 Пет., 5, с. 5–7).

Это тоже Новый завет.

В другой форме излагается та же суть: «Разоружись перед партией!»

Идеологема смирения накрепко связана с общемировой мифологией социального партнерства.

Дабы установить таинство Евхаристии, во время тайной вечери Иисус преломил хлебы и раздал апостолам: «И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из неё все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая» (Евангелие от Марка, 14:22-24, то же – в Евангелие от Луки (22:19) и в Первом послании к Коринфянам (11:24–26).

То есть: апостолы – каннибалы и кровопийцы.

Июль 2020